
«ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ВЫЗОВ ОДНОПОЛЯРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Спиридонова В. И.*

В статье проанализирована эволюция нового феномена современности – «цивилизационного государства», бросающего вызов неолиберальному стандарту глобализации, в основании которого лежит европейская модель «национального государства», признанная в качестве универсальной для политической модернизации всех стран мира. Исследуются сущность и перспективы развития китайского типа «цивилизационного государства», которое считается на данный момент наиболее отрефлексируемым его образцом. Рассматривается отношение стран ЕС к вероятному сценарию многоцивилизационного развития мирового сообщества. Новая картина мира подтверждает теорию Ф. Броделя о потенциальной множественности самостоятельных «мир-цивилизаций», которые на определенной стадии перестают быть «мирами-в-себе», «зонами молчания» и открывают новую эпоху всемирного существования – «времени мира».

Ключевые слова: однополярная глобализация, национальное государство, «цивилизационное государство», «мир-цивилизация», многоцивилизационный мир.

‘CIVILIZATIONAL STATE’ AS A CHALLENGE TO UNIPOLAR GLOBALIZATION

The article analyzes the evolution of a new phenomenon of modernity – the “Civilizational State”, which challenges the neoliberal standard of globalization, based on the European model of the “Nation-State”, which is recognized now as the universal one for the political modernization of all countries of the world. The article examines the essence and prospects of the promotion of the Chinese “Civilizational State’s” prototype, which is currently considered as the most investigated one. The article considers the attitude of the European Community to the probable scenario of the multi-civilizational development of the world community. The new picture of the world confirms F. Braudel’s theory. The latter asserted the existence of the multiplicity of independent “world-civilizations”, which sometime cease to be “worlds-in-themselves”, “zones of silence” and open a new era of the existence of the world community – the “time of world”.

* Спиридонова Валерия Игоревна – д. ф. н., г. н. с. Института философии РАН, руководитель сектора философских проблем политики. E-mail: vspirid@yandex.ru.

Valeria I. Spiridonova – Dr. phil., Senior research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of Philosophical Problems of Politics. E-mail: vspirid@yandex.ru.

Keywords: *Unipolar Globalization, Nation-State, Civilizational State, "World-Civilization", Multi-civilizational World.*

Введение

Современная картина мира, представленная однополярной глобализацией, находится в состоянии драматической неопределенности. Последние события в США, несмотря на реванш политической элиты, стремящейся сохранить модель гегемонии Pax Americana, не могут остановить рост новых крупнейших экономик мира, которые помимо экономической мощи бросили вызов моноцивилизационной однополярной структуре мирового сообщества. Отвергая универсалистские претензии евро-американского неоллиберального стандарта цивилизации, в основании которого лежит политическая форма национального государства (Nation-State), они заявляют о рождении нового феномена современности – «цивилизационного государства» (Civilizational State).

«Цивилизационное государство» vs «государство-нация»

В конце XX столетия одновременно в нескольких странах появились работы, посвященные новой категории политико-философского анализа – «государству-цивилизации» («Civilization-State», «Etat-Civilisation»). Первоначально это было вызвано поиском адекватной формы политической идентификации новых мировых гигантов, таких как Китай, Индия, позднее Россия, реалии которых с трудом поддавались определению в общепринятой терминологии «национального государства» или «империи». Концепт «национального государства», составляя основу неоллиберальной парадигмы мирового порядка, вызывал отторжение, главным образом как «агрессивное наследие» европейского влияния. Современные китайские исследователи указывают на то, что они причисляли свою страну к разряду национальных государств, находясь под «прессом западной ментальности». «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX в.», – пишет профессор политических наук Массачусетского технологического института, в прошлом президент Американской ассоциации политических наук, специалист по Китаю Люциан Пай [Cho 2009]. Сходные аргументы приводит индийский историк Равинда Кумар, ссылаясь на то, что во времена британского владычества в Индии предпринимались попытки реформирования паниндийского пространства для создания там национальной модели развития. Однако, продолжает он, исследования постколониальной эпохи признают такие попытки насильственными и безуспешными и настаивают на том, чтобы политическая идентичность Индийской Республики определялась в терминах «цивилизационного государства», а не «государства-нации» [Kumar 1993].

Для России вопрос ставился несколько иначе. Понятно, что над ней не нависала тень внешнего колониализма. Однако отсутствие четкой политической идентификации после распада СССР порождало неологизмы абстрактного свойства. Предлагали, например, обозначить новую форму политического бытия страны как «региональную интеграцию» или же «новую форму политики» [Неклесса 2016].

Однако наиболее горячие дискуссии велись между приятием европейской категории «национального государства» как универсального стандарта мирового прогресса и какой-то из вариаций на тему империи. В частности, в стремлении уйти от негативного семантического шлейфа доминирования и деспотичности, якобы обязательно присущего имперским образованиям, дискутировался термин «импероподобное государственное образование» [Фурсов 2011]. Однако и он не получил серьезной поддержки научного сообщества.

В этой ситуации поворот к цивилизационному ракурсу анализа, частной и временно-промежуточной формой которого стало понятие «государство-цивилизация» применительно в том числе и к России, позволяет если не решить, то корректно поставить насущные вопросы ее бытия. Одной из экзистенциальных проблем страны была и остается проблема *связности как в пространстве, так и во времени*. Для того чтобы существовать как единое целое, необходима выработка разными субъектами общего культурного пространства, культурного синтеза. В то же время должна быть реализована историческая преемственность, осознана и воспринята идея общей исторической судьбы разных народов на данной территории как в отношении прошлого, так и в отношении будущего. Эти вопросы оказываются в центре внимания исследований, посвященных «цивилизационному государству».

«Государство-цивилизация» как аналитическая категория

Словосочетание «государство-цивилизация» вошло в новый политический словарь после выхода в свет книги британского историка Мартина Жака под названием «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка», которая появилась в 2008 г. на книжных полках США и в 2009 г. в Великобритании. Следует отметить, что М. Жак несколько лет преподавал в разных университетах Китая и Японии, а ныне является научным сотрудником Центра дипломатии и большой стратегии Лондонской школы экономики, а также приглашенным профессором Университета Цинхуа в Пекине, и ему хорошо известны реалии новых восточных гигантов.

М. Жак констатировал кризисное состояние современного мирового порядка, которое он определил как «раскол современности». Отныне, писал он, уже не существует единой и единственной западной современности, мы живем в эпоху «оспариваемой современности» (a new era of “contested modernity”), в эру конкурирующих концепций и идеологий различных наций. И главной среди таких концепций является «государство-цивилизация» [Jacques 2011]. В основе идентификации «государства-цивилизации», считал он, лежат принципы исторической преемственности, а также культурного единства, ставшего итогом непрерывного процесса культурного синкретизма, распространяющегося на большой географический ареал.

Эти идеи были восприняты и последовательно разработаны рядом китайских исследователей. Вопрос о том, что Китай является не национальным государством, а «государством-цивилизацией», впервые был поднят Люцианом Паем в статье «Неустойчивое государство, разочарованное общество» в 1990 г. Он писал: «Отправной точкой для понимания проблемы является признание того, что Китай –

это не просто еще одно государство в семье наций. Китай – это цивилизация, при- творяющаяся государством. История современного Китая может быть описана как попытка иностранных акторов, а также вслед за ними самих китайцев, втис- нуть китайскую цивилизацию в узкие рамки “национального государства” – изоб- ретения, родившегося на Западе в результате процесса фрагментации его соб- ственной цивилизации» [Pye 1990].

Для китайских историков культуры их страна была и остается носителем су- щественных признаков «государства-цивилизации» как самого длительно и непрерывно существующего государства в мире, рождение которого восходит к 221 г. н. э., к первой объединенной империи династии Цинь. Из этой долгой исто- рии и проистекает его чувство идентичности.

Специфика Китая предполагает непрерывный процесс «синицизации» (sini- cization process), под которым понимается спонтанная адаптация чужих идей, привнесение в них «сильных и устойчивых китайских черт», смешение и внедре- ние их в местные китайские практики. В современной истории Китая синифика- ция охватывает равным образом периоды китайской коммунистической револю- ции, маоистских социалистических экспериментов и рыночного капитализма Дэн Сяопина, каждый из которых рассматривается как неотъемлемая часть единой китайской истории и которые в совокупности определяются как уникальная «ки- тайская модель». Опираясь на эти идеи и поддерживая их, Ли Син, профессор кафедры культуры и глобальных исследований Орхусского университета в Дании, и Тимоти М. Шоу, профессор Бостонского университета Массачусетса, утвер- ждают, что это дает возможность акцентировать уникальный тип китайской раци- ональности и политической культуры, в частности своеобразную систему управле- ния и особые отношения между государством и обществом [Xing Li, Show 2013].

Важнейшие черты этой культуры определяются в рамках «мономоральной» (mono-moral) логики «власть-индивид», восходящей к конфуцианству. Государ- ство в нем выступает не только как следствие естественного права, но и как опе- кун своих подданных, общества и цивилизации, откуда проистекает его легитим- ность. Его власть не относительна, как это декларируется в концепции западного национального государства, а абсолютна.

Кульминацией современных дискуссий вокруг интерпретации «государства- цивилизации» стала книга профессора Чжан Вэнвэй «Китайская волна: Подъем цивилизационного государства» [Weiwei Zhang 2012], которая вышла в 2012 г. и стала мировым бестселлером. Интерес к ней оказался настолько велик, что в 2017 г. по приглашению Института Шиллера в Германии профессор Чжан Вэнвэй прочитал лекцию, используя основные положения своего исследования. Встреча происходила в рамках мероприятия по посредничеству «Диалога цивилизаций» между Китаем, США и другими странами.

Представив в своем труде многосторонний анализ китайской модели разви- тия, профессор Чжан Вэнвэй заменяет термин «государство-цивилизация» на определение «цивилизационное государство». Это не просто лексическая транс- формация, это аналитически обоснованное усиление акцента на идее цивилиза- ции, оформление цивилизационного приоритета в актуальной китайской полити- ческой философии. Кроме того, очевидно, что это ответ на вопрос: почему,

а главное, как, благодаря чему происходит рождение нового мирового экономического гиганта.

Уникальность китайской модели представлена Чжан Вэнвеем в противопоставлении евро-американской неолиберальной концепции по нескольким критическим параметрам – понимания демократии, государственности и культуры.

Оценивая американскую демократическую модель, профессор Чжан Вэнвей в своем споре с Ф. Фукуямой, который состоялся в 2012 г. сразу после выхода книги китайского философа, утверждал, что политическая система США архаична, она является продуктом доиндустриальной эпохи, когда население США составляло чуть менее трех миллионов человек, и потому ее ждут серьезные испытания. Что касается европейских демократических практик, то главным их недостатком он назвал формальный процедурный характер, ограничение рамками одномоментных выборов, не затрагивающих качественную сторону ротации правительства, а также деградацию итогов избирательного процесса, который функционирует согласно беспомощной формуле – «избрать, а потом пожалеть».

Китайский вариант демократии, рожденный в недрах тысячелетней традиции меритократии, представляет миру новую демократическую парадигму – «консультативную демократию». Если европейская логика опирается на принцип «демократия против автократии», то китайская руководствуется тезисом «к хорошему управлению против плохого управления». Если западный подход – это выборы, то китайский – это отбор плюс выборы. Такой процесс принятия решений незнаком европейцам, но в Китае он – органическая часть истории и культуры. Китай был первой страной, которая изобрела систему экзаменов на государственную гражданскую службу, и произошло это 1500 лет назад. Система государственных экзаменов – кэцзюй – «обеспечивала отбор компетентных лидеров для работы в китайском правительстве на всех уровнях и гарантировала качество управления, не имеющее аналогов в Европе, по крайней мере в течение последних 1000 лет», пишет Чжан Вэнвей [Weiwei Zhang 2012: 132]. В настоящее время процедура отбора проходит через сотни раундов дискуссий как на уровне общества, так и на уровне правительства, и приводит в конечном счете к консенсусу. Этот процесс коренным образом отличен от американской модели, где выбор осуществляется «узким кругом элиты, которая затем пытается продать свое решение публике... С китайской системой меритократии немыслимо, – с вызовом пишет Чжан Вэнвей, – чтобы такой слабый лидер, как Джордж У. Буш, мог прийти к власти, ибо такой государственный муж, на наш взгляд, ненамного сильнее управляющего китайским баром» [*Idem* 2017]. Чжан Вэнвей полагает, что китайская парадигма «консультативной демократии» на данный момент – самая конкурентоспособная система в мире.

Что касается специфики китайской государственности, то будучи продуктом тысячелетней истории, она к тому же соотносится со сверхбольшим географическим пространством. Территориальная протяженность Китая создает многоликость его внутренних культур. Различия в образе жизни и менталитете типичного жителя Шанхая, типичного жителя Пекина и типичного жителя Кантона – трех крупнейших городов Китая – значительно больше, чем различия между типичными немцами, французами и англичанами. Но это компенсируется тем, что в Китае

существует единый письменный язык, что напоминает ситуацию Римской империи, в которой люди говорили на разных диалектах, но использовали латынь в качестве языка общения.

Поскольку язык любой страны есть отражение логических структур ее менталитета, то особенности китайского языка, по мнению Чжан Вэнвэй, отражают суть китайского «цивилизационного государства» как главного достижения его многовековой истории. Китайские иероглифы структурированы таким образом, что следуют принципу «поиска общих точек соприкосновения при сохранении различий». Например, практически все слова, относящиеся к идее воды, содержат компонент, указывающий на элемент воды. Таковы китайские иероглифы «река», «озеро», «море» и «океан». А все слова, относящиеся к идее металла, содержат компонент, указывающий на его признаки. Таковы иероглифы «серебро», «медь», «железо» и «олово» [Weiwei Zhang 2012: 69]. Китайский язык подчеркивает тот факт, что стремление к общности из разнообразия является главенствующей чертой китайской культуры. «На мой взгляд, – пишет Чжан Вэнвэй, – управление цивилизационным государством следует той же логике. И если появляется возможность сосредоточиться на поиске общности различных групп интересов, то, соответственно, возрастают шансы разрешить напряженность между ними, будь то напряженность между регионами, между предприятиями, между социальными группами или между богатыми и бедными. Китай делает акцент на стабильности и единстве, которое не исключает многообразия, но которое отлично от европейского принципа конфликта как импульса к развитию. Цивилизационное государство – это и одно государство, и “сотни государств в одном”. Как единое государство, оно характеризуется беспрецедентной сплоченной силой и компетентностью на уровне макроуправления, а как “сотни государств в одном” оно характеризуется наибольшим внутренним разнообразием» [Ibid.: 67], – поясняет китайским философ.

Для китайской государственности характерна сильная централизация власти, которая опирается на принцип представления всеобщего интереса – «всех под небесами» – в отличие от европейского представительства частных интересов через многопартийную систему. В этом отношении для китайского менталитета непонятна и неприемлема формула политической жизни, которая предполагает смену власти каждые четыре или пять лет. Такая модель воспринимается как непродуктивная и популистская. Китайское интерпретация легитимности режима мыслит династиями и исповедует принцип морального требования к правителям, которые должны «усердно работать», чтобы соответствовать «мандату небес» и не потерять доверие «сердец и умов людей». «...Большинство китайцев ненавидят частые смены династий и предпочитают постоянные реформы внутри династии, а не постоянные революции» [Ibid.: 133]. В рамках этой политической традиции воспринимается и современное пребывание КПК у власти.

В цивилизационном государстве главным механизмом сцепления многоликой этнической фактуры является позитивный взгляд на государство, восприятие его как *добродетели*, в отличие от моноэтнического государства, в котором динамика достигается диалектическим противостоянием общества государству как «необходимому злу», которое общество должно минимизировать.

Позитивное отношение к государству обусловлено материальными факторами существования, в частности, природной средой, в которой формировалась и продолжает жить современная цивилизация Китая. Это то, от чего невозможно избавиться, это тот самый императив, который, согласно утверждению Ф. Броделя, одного из основателя французской школы «Анналов», лежит в основании логики любой цивилизации, и который французский историк назвал давлением материальной цивилизации, диктатом «структур повседневности», диалектикой возможного и невозможного [Бродель 1986]. Для Чжан Вэнвэй прототипом такой императивной необходимости, сформировавшей логику жесткой вертикали власти, в китайской цивилизации является стихия двух крупнейших рек, определявших жизнь народа, Хуанхэ и Янцзы, для обуздания которых необходима общенациональная координация.

Эта логика легла в основание общекитайской ментальности. В китайской политической культуре, пишет профессор Чжан Вэнвэй, присутствует различие двух категорий общественного сознания – по-китайски «минь-и» и «минь-син». Первое, в общем и целом, совпадает с тем, что понимается под общественным мнением в европейском менталитете. Второе подразумевает представление о долгосрочных интересах нации или страны. Государственное управление основывается в Китае на «минь-син». При этом «минь-и» может совпадать с «минь-син», а может и не совпадать. Как это ни парадоксально, но в информационную эпоху, по мнению Чжан Вэнвэй, акцент на коллективном долгосрочном интересе отражает истинные и глубинные демократические цели, что обусловлено быстрой текучестью пестрых сиюминутных субъективных оценок в эпоху Интернета.

Китайское стратегическое мышление в отличие от западного варианта рационализации, которая выражается в построении подробной «дорожной карты» предполагаемого действия, опирается на понятие, отражаемое в иероглифе «ши» – общая тенденция. В соответствии с этой доминантой, заявляет Чжан Вэнвэй, «мы начинаем не с дорожной карты, мы начинаем с компаса» [Weiwei Zhang 2017], задавая главное направление и ориентиры действия. Исповедуется тактика конкретных социальных экспериментов, которые поощряются или отвергаются практикой. Он подчеркивает, что современные крупномасштабные изменения в стране не предварялись планом или проектом мобилизации, как это было, например, с коммунистическим проектом, которому предшествовала теория и идеология. Это был процесс, который задействовал коллективное бессознательное, дремавшее в культурно-психологическом контексте тысячелетней китайской ментальности, скрытой, но действенной основы цивилизации.

Китайская стратегия развития не ограничивается только внутренними задачами, она предлагает миру принципиально новый проект поведения. Чжан Вэнвэй сравнивает тактику и цели китайской политики с логикой национальной игры «го», которая хотя и напоминает шахматы, но принципиально различается с ними в замысле. Если в шахматах вы стремитесь уничтожить противника, то в игре «го» цель состоит в создании позитивных тенденций и в расширении пространства, что позволяет вовлечь других игроков в процесс созидания, а не уничтожить их, убирая с дороги конкурента. В рамках мирового сообщества, заключает Чжан Вэнвэй, стратегия Китая должна привести к смене парадигмы демократии на пара-

дигму «хорошего управления», к переходу от так называемой «игры с нулевой суммой» к «беспроеигрышному партнерству» в рамках глобализации, а также к замене вертикального порядка с гегемонией США на горизонтальный, который позволит выровнять возможности и силы разных «акторов». Китайский мыслитель полагает, что настало время для Запада «освободить свой разум» (“*emancipate the mind*”) и точно так же, как некогда Китай учился у европейцев, внимательно и непредвзято прислушаться к доводам восточного соседа, какими бы непривычными они для него ни казались, начав применять китайские идеи и китайские подходы на благо всего человечества.

Европейская реакция, или «XXI век – век торжества цивилизационного государства в мире»

Распространение идеи «цивилизационного государства» в незападных странах было воспринято в Европе как угроза европейскому будущему и, прежде всего, проекту либеральной глобализации. По мнению европейских исследователей, концепция «цивилизационного государства» наносит ответный удар проекту европейского универсализма.

В этом отношении примечательна публикация Бруно Масаеса, бывшего государственного секретаря по иностранным делам Португалии, а ныне научного сотрудника Института Хадсона в Вашингтоне, под названием «Атака государства-цивилизации», которая появилась в печати в июне 2020 г. [Maçães 2015]. Статья эта представлена на интернет-платформе Института Берггрюна, американского независимого аналитического центра, занятого исследованиями по преобразованию политических и социальных институтов в ответ на вызовы XXI в. Для решения острых проблем, стоящих перед человечеством, Институт Берггрюна привлекает крупнейших современных мыслителей. В числе его программ «Совет XXI в.», который рассматривает идеи и задачи, связанные с реформой глобального управления в контексте вероятного перехода к многополярному миру. Основная работа в этом направлении осуществляется в рамках четырех подпрограмм: «Трансформация человека», «Будущее капитализма», «Будущее демократии», «Геополитика и глобализация». Последняя концентрируется на продвижении либеральных ценностей и содействии американо-китайскому диалогу в формате конференций под названием «Постижение Китая» [Geopolitics... 2020].

Бруно Масаес анализирует последствия контратаки «цивилизационного государства» на «агрессию европейских общечеловеческих ценностей», среди которых центральное место занимала модель национального государства. Он полагает, что сегодня над Европой нависла угроза. Стремясь стать своеобразной формальной и абстрактной «операционной системой» для тестирования разнообразных культурных практик, она потеряла собственную идентичность. К тому же, когда стало ясно, что культурная ассимиляция неизбежно ведет к потере культурной независимости и политического суверенитета, возникло масштабное мировое сопротивление европейской модели. Проблема окончательно зашла в тупик из-за того, что во всех спорных вопросах интерпретации и применения западных норм и ценностей последнее слово оставалось за наиболее влиятельными странами Запада. Даже в такой успешной демократии, как Индия, легитимность любого решения во всех случаях должна была исходить от западных элит. «Никто не при-

нимает всерьез вероятность того, что редакционная статья в “Таймс оф Индия” (The Times of India) может взять на себя решение какого-то внутреннего политического вопроса, тогда как крупные газетные издания Нью-Йорка, Вашингтона или Лондона с легкостью берутся за эту задачу», – пишет Б. Масаес [Maçães 2020].

Европа, продолжает он, была убеждена, что строит универсальную цивилизацию. Но, как оказалось, в действительности она строила свою собственную, и не более того. Поэтому контратака «цивилизационного государства» ставит перед ней деликатную проблему. Западные общества пожертвовали своими специфическими культурами ради универсального проекта, и потому сегодня европейский либерализм должен сосредоточиться на развитии собственных возможностей, применяя их для внутреннего пользования. При этом формой реализации новой европейской перспективы с большой долей вероятности станет общеевропейское «цивилизационное государство». «Континент, который надеялся выйти за пределы логики цивилизации, очень близок к тому, чтобы самому перейти к этой логике. Когда это произойдет, торжество “государства-цивилизации” в мире будет полным», – заключает португальский политолог [Maçães 2020].

С Бруно Масаесом в этом отношении согласен Кристофер Кокер, профессор международных отношений Лондонской школы экономики, автор книги «Подъем цивилизационного государства» [Coker 2019], увидевшей свет в 2019 г. Кокер использует концепцию цивилизационного государства, чтобы объяснить, почему Запад теряет, а возможно, уже потерял, монополию на ценности, которые он предполагал проецировать на весь остальной мир. Сегодня человечество стоит на пороге будущего, в котором западное превосходство не только больше не гарантировано, но и обречено на крах, потому что медленно строится новый мировой порядок – «плюрилатеральный мир», пишет он.

Действительно, сегодня список государств, которые в своих планах обращаются к цивилизационному проекту существования, постоянно расширяется. Помимо уже названных Китая, Индии, России к ним относят не только растущие региональные экономики, такие как Турция, Бразилия, Индонезия, но даже США времен Дональда Трампа [Acharya 2020; Louis 2019; Pabst 2019; Rachman 2019; Roussinos 2020; Singh 2019].

Тот факт, что Китай, Россия, Индия и Турция явились первыми, которые почувствовали императивную необходимость отказаться от формулы «национального государства» и осмыслить себя в качестве «цивилизационных государств», поразительным образом совпадает и развивает некоторые теоретические замечания Фернана Броделя, одного из основоположников мир-системной теории.

В центре его рассуждений лежит понятие «мир-экономика», которое, как он неоднократно подчеркивал, расходится с распространившимся позднее и сфокусировавшим на себе внимание исследователей понятием «миро-экономика» И. Валлерстайна [Бродель 1992].

Для Ф. Броделя существует не один мир-экономика, а множество, или, по крайней мере, несколько «миров-экономик», которые он также называет «мир-цивилизациями». Европейский мир-цивилизация – не единственный, однако его преимущество заключается в том, что он историографически изучен лучше и подробнее, нежели другие. Наряду с европейским всегда существовали, пишет Бро-

дель, другие самостоятельные миры. Такими отдельными мирами он считает Россию, Китай, Индию, Турцию и некоторые другие страны. Проблема состояла в том, что европейский мир был чрезвычайно активен. Начав свое восхождение в Средиземноморском ареале, он переступил через Атлантику, в которой, по выражению Ф. Броделя, «Европа начиналась заново». Эта динамика открыла «время мира» – интенсивное пространство функционирования мировой экономики, своеобразной аналогии глобализирующегося пространства.

Однако не все мир-экономики, или мир-цивилизации, принимали участие во «времени мира» той эпохи, когда на мировой арене господствовал Евро-американский регион. Часть из них, существуя как «миры-в-себе», были «зонами молчания», «зонами спокойствия», по терминологии французского историка [Бродель 1992]. И таковыми, в частности, были Россия, Китай, Индия, Турция. Взгляд из современности, когда эти мир-цивилизации пробуждаются, наводит на мысль, что их можно было бы также назвать «спящими» мир-цивилизациями.

Анализируя динамику «времени мира» (эволюции мирового сообщества), Ф. Бродель выделяет две главные фазы его развития. На первом этапе мировая система центрировалась вокруг *городов-государств*, которые последовательно сменяли друг друга в своем величии (Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам). Они владели миром, были его ядром, стержнем, каждый в свой промежуток времени.

За этой фазой наступила эпоха, когда активность перешла на сторону *«территориальных государств»*. Первоначально это была Великобритания, создавшая мировую империю, над которой никогда не заходило солнце. Затем главную роль в истории мира стали играть США. Изменился не только формат управления, но произошло значительное качественное и количественное пространственное расширение зоны гегемонии. «Центр силы» переместился, таким образом, от небольшого полиса к протяженному пространственному месторазвитию – стране.

Продолжая эту логику, сегодня можно предполагать, что наступает третья фаза мировой трансформации, когда центрами планетарного прогресса становятся гораздо более крупные политические образования – «мир-цивилизации», или *«цивилизационные государства»*. Открывается перспектива развития нового этапа «времени мира» – эпохи многополярного многоцивилизационного существования. Это позволяет допустить, что мы действительно находимся в точке перехода, когда планетарная активность перестает ограничиваться орбитой одной европейской мир-цивилизации, полагавшей свое устройство универсальным. Проблема сегодня состоит в том, что именно возобладает – конфликтное столкновение цивилизаций, некогда предсказанное С. Хантингтоном, или плюралистическое равноправное сосуществование как основа нового мирового порядка.

Заключение

В предисловии к англоязычному изданию своей книги Чжан Вэйвей говорит о том, что первоначально его труд был предназначен для внутренней китайской аудитории. Замысел был вызван тем, что сами китайцы не осознавали грандиозности перемен, которые с ними произошли и которые они принесли человечеству. Они еще не понимали места своей страны в мире, того переворота, который совершил Китай в мировом сообществе, и его значения для глобальной трансфор-

мации. Это замечание показательно в том отношении, что рождение феномена «цивилизационного государства» как новой структуры, призванной изменить мировой порядок, было органичным, естественным «ответом» на «вызовы» старой структуры вертикальной американской гегемонии. Оно не было преднамеренным кабинетным проектом или стратегическим планом глобальных сил. Новая парадигма существования многополярного мирового порядка сформировалась эволюционным путем. Пришло время пробуждения потенциала «молчащих» миров-экономик. И первым среди них стал Китай. Но это только начало. Близится время вступления в игру таких гигантов, как Россия, Индия, страны Латинской Америки. Только тогда можно будет с уверенностью говорить о наступлении эпохи многоцивилизационности.

Литература

Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1986. Т. 1.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1992. Т. 3.

Некlessа А. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности [Электронный ресурс] : Омилія. 2016. 13 ноября. URL: <https://omiliya.org/article/severnaya-romeyaras-suzhdenie-o-russkoj-identichnosti-aleksandr-neklessa> (дата обращения: 03.02.2021).

Фурсов А. И. Будущее русской государственности: Нация? Цивилизация? Иное? [Электронный ресурс] : Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkojgosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // *Ethics & International Affairs*. 2020. Vol. 34(2), Summer. Pp. 139–156.

Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? [Электронный ресурс] : Knowledge. Economics&Finance. 2009. October 21. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (дата обращения: 25.02.2021).

Coker Ch. The Rise of the Civilisational State. Cambridge, UK; Medford, MA : Polity Press, 2019.

Geopolitics and Globalisation [Электронный ресурс] : Our Work. Berggruen Institute. 2020. May 5. URL: <https://www.berggruen.org/work/21st-century-council/> (дата обращения: 28.02.2021).

Jaques M. Civilisation-State versus Nation-state [Электронный ресурс] : *Süddeutsche Zeitung*. 2011. January 15. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (обращение: 15.02.2021).

Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? [Электронный ресурс] : *Hérodote : stratégies, géographies, idéologies*. 1993. No. 10. P. 43–60. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut> (дата обращения: 17.02.2021).

Louis Fr. Le XXIe siècle, âge des États civilisations? [Электронный ресурс] : *La Revue Conflits*. 2019. 4 novembre. URL: <https://www.revueconflits.com/etat-europe-mondialisation/> (дата обращения: 26.02.2021).

Maçães B. The Attack Of The Civilization-State [Электронный ресурс] : Noema Magazine. 2020. 15 June. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (дата обращения: 21.02.2021).

Pabst A. China, Russia and the Return of the Civilisational State // New Statesman. 2019. May 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>.

Pye L. W. Erratic State, Frustrated Society [Электронный ресурс]: Foreign Affairs. 1990. No. 69(4). Pp. 56–74. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1990-09-01/china-erratic-state-frustrated-society> (дата обращения: 07.02.2021).

Rachman G. China, India and the Rise of the “Civilisation State” [Электронный ресурс] : Financial Times. 2019. 4 March. URL: <https://thelivinglib.org/china-india-and-the-rise-of-the-civilisation-state/> (дата обращения: 16.02.2021).

Roussinos A. The Irresistible Rise of the Civilisation-state [Электронный ресурс] : UnHerd. 2020. August 6. URL: <https://unherd.com/2020/08/the-irresistible-rise-of-the-civilisation-state/> (дата обращения: 22.02.2021).

Singh A. P. India is not a Nation-state, or a State-nation. It is a “Civilisational-state” // Hindustan Times. 2019. December 19.

Weiwei Zhang. The China Wave: The Rise of a Civilizational State. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

Weiwei Zhang. The China Model and its Implications. [Электронный ресурс] : Eircom. 2017. August 18. URL: https://larouche.pub.com/eiw/public/2017/eirv44n33-20170818/07-18_4433.pdf (дата обращения: 27.02.2021).

Xing Li, Show T. M. The Political Economy of Chinese State Capitalism [Электронный ресурс] : The Journal of China and International Relations. 2013. Vol. 1. No. 1. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/218/155> (дата обращения: 08.02.2021).

References

Brodel' F. Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. [Structures of Everyday Life. Possible and Impossible. Material Civilisation, Economy, and Capitalism. XV–XVIII Centuries]. Moscow : Progress, 1986. Vol. 1.

Brodel' F. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. [Time of the World. Material Civilisation, Economy, and Capitalism. XV–XVIII Centuries]. Moscow : Progress, 1992. Vol. 3.

Neklessa A. Severnaya Romeya. Rassuzhdenie o russkoy identichnosti [Northern Romea. Discussion on Russian Identity] // Omiliya. 2016. November 13. URL: <https://omiliya.org/article/severnaya-romeya-rassuzhdenie-o-russkoy-identichnosti-aleksandr-neklessa> (accessed: 03.02.2021).

Fursov A. I. Budushcheye russkoy gosudarstvennosti: Natsiya? Tsivilizatsiya? Inoye? [The Future of Russian Statehood: a Nation? Civilisation? Something Different?] // Rossiyskaya Federatsiya segodnya. 2011. No. 6. URL: <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushchee-russkojgosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html> (accessed: 01.02.2021).

Acharya A. The Myth of the “Civilisation State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // *Ethics & International Affairs*. 2020. Vol. 34. No. 2. Summer. Pp. 139–156.

Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // *Knowledge, Economics & Finance*. 2009. October 21. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (accessed: 25.02.2021).

Coker Ch. *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge, UK; Medford, MA : Polity Press, 2019.

Geopolitics and Globalisation // *Our Work*. Berggruen Institute. 2020. May 5. URL: <https://www.berggruen.org/work/21st-century-council/> (accessed: 28.02.2021).

Jaques M. Civilisation-State versus Nation-state // *Süddeutsche Zeitung*. 2011. January 15. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (accessed: 15.02.2021).

Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // *Hérodote : stratégies, géographies, idéologies*. 1993. No. 10. P. 43–60. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut> (accessed: 17.02.2021).

Louis Fr. Le XXIe siècle, âge des États civilisations ? // *La Revue Conflits*. 2019. 4 novembre. URL: <https://www.revueconflits.com/etat-europe-mondialisation/> (accessed: 26.02.2021).

Mações B. The Attack Of The Civilization-State // *Noema Magazine*. 2020. June 15. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (accessed: 21.02.2021).

Pabst A. China, Russia and the Return of the Civilisational State // *New Statesman* 2019. May 8. URL: <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state> (accessed: 16.02.2021).

Pye L. W. Erratic State, Frustrated Society // *Foreign Affairs*. 1990. No. 69(4). Pp. 56–74. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1990-09-01/china-erratic-state-frustrated-society> (accessed: 07.02.2021).

Rachman G. China, India and the Rise of the “Civilisation State” // *Financial Times*. 2019. March 4. URL: <https://thelivinglib.org/china-india-and-the-rise-of-the-civilisation-state/> (accessed: 16.02.2021).

Roussinos A. The Irresistible Rise of the Civilisation-state // *UnHerd*. 2020. August 6. URL: <https://unherd.com/2020/08/the-irresistible-rise-of-the-civilisation-state/> (accessed: 22.02.2021).

Singh A. P. India is not a Nation-state, or a State-nation. It is a “Civilisational-state” // *Hindustan Times*. 2019. December 12.

Weiwei Zhang. *The China Wave: The Rise of a Civilisational State*. Singapore : World Century Publishing Corporation, 2012.

Weiwei Zhang. The China Model and its Implications // *Eircom*. 2017. August 18. URL: https://larouchepub.com/eiw/public/2017/eirv44n33-20170818/07-18_4433.pdf (accessed: 27.02.2021).

Xing Li, Show T. M. The Political Economy of Chinese State Capitalism // *The Journal of China and International Relations*. 2013. Vol. 1. No. 1. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/218/155> (accessed: 08.02.2021).